

ЮЛИЯ ЧУКОВА

МЫСЛИТЕЛЬ

О Кожинове я услышала впервые в связи с выходом его книги “Как пишут стихи” и очень удивлённая (оказывается, известно, как это надо делать!) решила её купить. В первом магазине мне ответили, что она была, но уже продана. В следующих ситуация повторилась. Заканчивая обход центральных магазинов, спросила: “У вас есть хоть что-то на эту тему?” “Хоть что-то” было предъявлено и куплено.

Дома, начав читать эту книжку, ощутила душевный дискомфорт и в какой-то момент сказала сама себе: “Если ты прочитаешь ещё несколько страниц, то будешь писать стихи ещё реже!” А куда уж реже? Я и так писала одно стихотворение в пятилетку.

В итоге книгу “Как пишут стихи” я прочитала в Ленинской библиотеке. Это один из очень немногих случаев, когда я в Ленинке читала книгу не по естественным наукам. Книга будила мысль. Имя автора (Вадим Кожин) запомнилось, и позднее по прессе я отслеживала его выступления. У него были неслабые оппоненты, но в их выступлениях преобладали информация и риторика, а у Кожина всегда была мысль. С ней можно было соглашаться или не соглашаться, но нельзя было её не заметить.

Личное знакомство состоялось много позднее.

На Красной Пресне существовало литературное объединение, созданное ещё Владимиром Маяковским, квартира-музей которого располагалась в доме по соседству с моим. Проходя мимо, иногда думала: “Надо бы разыскать это ЛИТО”. Но найти что-то среди горбатых переулков на левом берегу Москвы-реки без точного адреса достаточно трудно. Да и свободного времени у меня практически не было. Зачем искать? Дело кончилось тем, что меня, можно сказать, за ручку привёл туда Зябков Сергей Игнатьевич, старейший член ЛИТО, помогавший Маяковскому его создавать.

Это случилось незадолго до крутого поворота в жизни нашей страны. До него я жила в условиях полного цейтнота, а после – в режиме deadline (последний срок). А между ними образовалось окно нормальной человеческой жизни, когда я посещала ЛИТО, где поэты работали под руководством Вадима Кожина.

На каждом заседании по средам вечером два раза в месяц обсуждалась подборка стихов одного из поэтов. Читались стихи, выступали рецензенты, и заключительное слово принадлежало Кожину. Вот ради этого заключительного слова я и приходила. Высказывания рецензентов мне, как правило, не нравились, и я очень быстро поняла, почему. Рецензенты ставили своей

целью найти дефекты в стихах. (Их можно найти в любых стихах, даже у известных поэтов). И далее каждый недостаток “обсасывали”. С удовольствием! Кожинов этим не занимался. Он умел увидеть в стихах что-то или интересное, или притягательное. А когда стихи были откровенно слабенькими, и интересное находилось с трудом, он просто что-то рассказывал. Он был великим мастером, способным неувовимо перейти на другую тему, а потом вдруг вернуться в исходную точку.

Не помню, чьи стихи обсуждались, когда Кожинов уклонился в экологию и обратил наше внимание на стихотворение “Мороженое” в новом сборнике стихов Светланы Кузнецовой “Мы исчезающий народ”.

*“Мы — исчезающий.
Мы — исчезающий.
Ледяшка сладкая попала в рот, —
Миг ускользящий.*

*Ты этот миг обсасывай подоле,
Поскольку, шутки скользкие шутя,
Расеюшка в кримпленовом подоле
Баюкает мутантное дитя.*

*Баюкает нежданное, но роженое,
Баюкает кровиночку и кровь.
И тает, тает на губах мороженое,
Последняя народная любовь”.*

И рассказал о том, что полтора десятка женщин в Средней Азии облили себя керосином и сгорели потому, что не хотели больше рожать уродцев. И только тогда я поняла, почему Чингиз Айтматов, выступая с самой высокой трибуны, вдруг напомнил о том, что их женщины раньше были нежными красавицами и в полях не работали.

Слушали Кожинова, как говорится, затаив дыхание. Мне вспоминается только один случай, когда это правило было нарушено. Он вернулся из Японии, куда был приглашен японским специалистом по русской словесности. Кожинов сказал, что этот японец знает русскую литературу лучше него, и вспоминал огромную “простыню”, на которой японец разместил всю нашу литературу.

В Японии Вадим Валерьянович впервые увидел океан и, рассказывая об этом, утверждал, что в нашей стране такое увидеть невозможно, потому что каждый раз стоишь на берегу моря, а не океана. Здесь я произнесла достаточно громко: “Поезжайте на Камчатку!” Он словно бы не услышал мою реплику и продолжал свой рассказ. А по сути дела, я опять была с ним согласна. Надо стоять на берегу именно океана, чтобы своими глазами увидеть, что Земля — круглая. И не нужны никакие дополнительные доказательства! С берега моря это не так очевидно... Мне нравились заседания, когда стихи были слабыми, а рассказ Кожинова продолжительным.

Но что случилось, когда стихи оказывались хорошими, это даже и вспоминать не хочется... Я постаралась всё забыть, но один случай помню отчётливо. Нина Дубовицкая прочитала стихотворение “Ель”. Что здесь случилось с аудиторией!... Для описания нужно не моё перо. Сначала был хоть какой-то порядок в выступлениях, а потом всё смешалось. Казалось, что Пандора вдруг раскрыла свой сундучок. Над морем зависти, ревности, вздорности, брехливости и уязвлённого самолюбия, как головы дельфинов, вдруг появлялись отдельные фразы: “Кто ей это написал?” или: “Не могла она сама написать такое стихотворение!” У меня кольнуло сердце: так хорошо эти фразы были мне знакомы по совсем другим аудиториям... И я не хотела присутствовать на этом предствлении. Встать и уйти?

Я встала и сказала: “У меня тоже есть стихотворение на эту тему!” — и прочитала своё. Я читала свои стихи крайне редко. Может, поэтому шум начал стихать. И когда я кончила, было совсем тихо. Тогда, обращаясь к Кожинову, произнесла твёрдым голосом: “А теперь объявите перерыв!” Кожинов посмотрел на меня недоумённо-удивлёнными глазами. Трудно сказать, чем

было вызвано это выражение. Тем ли, что до перерыва оставалось ещё минут пятнадцать-двадцать, или моим императивом. Кожинов молчал. Молчала и я, сидя прямо перед ним и не отводя от него глаз. Но самое поразительное: за моей спиной молчала аудитория, которая пару минут назад бурлила крутым кипятком. Как видно, никто не ожидал такого разворота событий.

Кожинов объявил перерыв.

Хрупкая тишина лопнула, все хлынули в коридор, где каждый досказал то, что не успел сказать в аудитории. После перерыва все вернулись успокоенными, и семинар продолжил своё обычное течение.

Мне несколько раз предлагали “обсудиться” на семинаре. Я всегда отказывалась. Однажды журналист Пётр Репин спросил:

– Не хочешь подготовить подборку? – Я отрицательно покачала головой.

– Боишься? Многие члены Союза писателей мечтают “обсудиться” в ЛИТО!

Я не знаю, о чём мечтают члены Союза писателей. Но я точно знаю, что ничего не бояться меня научила моя любимая тётя Евгения Георгиевна Птицына в таком раннем детстве, что невозможно назвать возраст – ходить и говорить я уже умела. Я иногда могу не знать, чего хочу, но чего не хочу, всегда знаю очень точно. У меня не было желания “обсудиться” на семинаре...

Кожинов вёл этот семинар много лет. На семинар приезжали поэты со всей Москвы и из области. И мне было понятно, зачем они приезжали, но я не могла понять, зачем этот семинар нужен Кожинову. Со временем прояснились несколько причин. Но главной была такая: семинар, по-видимому, был чем-то вроде полигона, где он опробовал на публике, “обкатывал” свои мысли, которые позднее становились статьями – чаще всего в журнале “Наш современник” – или попадали в книги.

В это время появился нашумевший роман “Дети Арбата”, который обсуждался везде, даже в поездах дальнего следования. В одном таком разговоре я поставила под сомнение мораль, описанную в нём.

– Да что Вы!!! – воскликнул мой собеседник. – На Арбате мораль гораздо хуже, чем в романе!

– Вы там жили?

– Нет, но я знаю.

Роман, прочитанный с интересом, оставил в моей душе чувство незаслуженно полученной пощёчины. Всё бы обошлось без этого чувства, если бы в названии не было слова “Арбат”. Детьми Арбата были и я сама, и все мои одноклассницы. Наша школа № 79 находилась прямо напротив театра Вахтангова. А это середина Арбата!

В романе, где описываются дети дальнего конца Арбата, я увидела знакомую мне лишь понаслышке мораль. А та мораль, которая знакома мне самой по жизни на Арбате, была иной. На стене нашей школы кто-то написал мелом очень крупными печатными буквами “Женский монастырь”. На надпись не обращали внимания. Её даже никто не удосужился стереть. Её смыли дожди. Нравы были строгими. О таких девочках интересный роман написать трудно. Но о них иногда встречаются удивительные документальные свидетельства.

Сейчас рассекречены материалы Второй мировой войны. В дневнике одного немецкого врача, работавшего в концлагере для русских, имеется запись (статистический итог его гинекологических обследований): молодые особы женского пола были девственницами. Меня потрясло его заключение, написанное в те далёкие годы: “Такую страну невозможно победить!”

Рассекречены и архивы КГБ, и можно писать роман о нашей школьнице Сусанне Печуро, которая была на два года старше меня. Её знала вся школа, а я с ней познакомилась близко, работая в совете дружины школы (была такая структура в пионерских организациях). Она исчезла из школы, когда я была секретарём комитета комсомола школы. Говорили, что она серьёзно заболела. Позвонила её маме спросить, не нужна ли какая помощь. Мама сказала, что помочь нельзя.

Однажды меня вызвал секретарь райкома комсомола Л. А. Борисов и сказал, что Сусанна арестована. Я не могла поверить своим ушам и стала рассказывать ему о Сусанне, пытаюсь убедить его в том, что такой человек не может совершить ничего предосудительного. По-видимому, он не ожидал такой реакции. Выслушал меня молча и предложил зайти через несколько дней. На сей раз, зная, зачем меня вызывают, я прихватила с собой свою лучшую школьную подругу Наташу Шишкину, члена комитета комсомола школы. В Ки-

евском райкоме комсомола (в старинном особняке на Садовом кольце) нам был продемонстрирован комсомольский билет Сусанны, проткнутый чем-то острым посередине, чуть выше фотографии. Наташа сочла, что штыком, а я думаю, это было что-то другое, более узкое и округлое, но столь же острое. “Дырокол”, — сказала я. Сейчас произнесённое мною слово может вызвать только недоумение. Сейчас нам знакомы совсем другие дыроколы, служащие для скрепления листов в папки. А в те далёкие времена дыроколом называлось подобие шила, вертикально укреплённое на деревянной подставке и служившее для накалывания кассовых чеков, по которым продавец отпускал товар.

Проткнутый комсомольский билет Сусанны меня потряс, но не убедил в какой-то её вине.

В студенческие годы стало известно, что Сусанна вернулась из Казахстана. А встретились мы во времена перестройки в Фонде МакАртуров, где доклад о жизни и деятельности Марии Спиридоновой делал американец с прекрасным знанием русского языка, работавший в архивах Москвы. В это время Сусанна была активным деятелем Мемориала.

Жаль, что не нашлось писателя, чтобы написать роман о других детях Арбата, живших в его начале, тем более что Сусанну в молодёжную троцкистскую организацию “Юные ленинцы” привела любовь.

Такое складывается впечатление, что на разных концах Арбата подрастали разные дети. Как только эти слова легли на бумагу, они потеряли свою фигуральность и стали притягивать к себе факты той давно прошедшей и частично забытой жизни. Вспомнился термин “арбатские секретари”. Так называли секретарей комсомольских организаций школы № 59 (в Староконошненном переулке), № 70 (в Гагаринском переулке), № 73 (в Серебряном переулке, которую окончил Анатолий Гладилин) и № 79 (в Калошином переулке). Мы были знакомы друг с другом. Но я не смогла вспомнить ни одного секретаря комсомольской организации с дальнего конца Арбата... Не могу вспомнить номера школ! И даже сколько их там было... В раздумьях об этом подумалось, что интересной была бы тема для социологического исследования, ибо “арбатство, растворённое в крови” имело разные качественные и количественные характеристики.

Кожинов, переезжая в зрелом возрасте с одной квартиры на другую, остался жителем “пяточка” в начале Арбата. Может быть, поэтому свою проблемную статью “Правда и истина” он написал на материале романа “Дети Арбата”. И, наверное, неспроста он в ней не забыл упомянуть, что родился на Арбате.

Проблематика статьи выходит далеко за рамки Арбата, Москвы и даже всей нашей страны. В ней обсуждается вопрос государственного устройства и роли в истории личности и народа. Актуальность этого вопроса для нашей цивилизации в XX веке обострилась для многих стран с разным уровнем экономического развития и культуры. А вопрос ограниченности природных ресурсов планеты будет “держаться на плаву” эту проблему и в дальнейшем. И думать о ней будут передовые умы с разной профессиональной подготовкой. Начиная с работ Чижевского А. Л., к проблеме подключились специалисты по точным наукам, и их роль в решении проблемы будет со временем только нарастать, и именно они помогут сформулировать основные законы развития социума. Кожинов внёс свой вклад формально в качестве литературного критика, а фактически в качестве специалиста более широкого профиля, владеющего методами экономического, исторического и демографического анализа.

* * *

Кожинов ощущал наступление “роковых минут”. Он приветственно встретил парнишку, который выдвигался в депутаты, хотя и не прошёл в Совет. Кожинов рассказывал о своём участии в предвыборной кампании. От него я узнала о выходе книги “Почему Россия не Америка”. В это время он неоднократно возвращался к проблематике статьи “Правда и истина”. Тогда прозвучала его фраза: **“Когда одни хотят одного, а другие — другого, то получается третье, чего не хотел никто”**. У меня даже перехватило дыхание, когда я её услышала: столько времени не могла найти формулировку **основного социологического закона смутного времени**. Да вот же она! Мне могут возразить,

опираясь всё на ту же статью “Правда и истина”, что формулировочка не совсем та и к тому же восходит к Энгельсу. На это я могу сказать следующее.

Фридрих Энгельс был одним из тех философов своего времени, кто, как и Пётр Кропоткин, пытался найти какие-то аналогии процессов, закономерностей и законов в Природе и в Социуме. В его время изучение законов броуновского движения молекул было вершиной достижений в физике, науке, на долю которой выпала формулировка основных законов мироздания. Энгельс в хаотичности столкновений молекул увидел аналогию полю столкновений разных характеров и намерений людей.

Но естественные науки за сто лет шагнули вперёд столь далеко, что сейчас уже предельно очевидно, что эта аналогия работает только для условий спокойного существования живой и неживой Природы, когда изменения постепенны и взвешены и формулируются в понятиях прогресса и регресса. Мои размышления на эту тему нашли отражение в одной из моих книг “Умрём от рака? Записки народного депутата Пресни с документами и фактами” (М, Фонд “Байтик”, 1994, с. 43):

“Дело в том, что одно из моих самых твердых убеждений сводится к следующему: “Прогресс тогда начинает прокладывать себе дорогу, когда оказывается отличной от нуля равнодействующая всех сил”. Сформулировано в духе физического закона, но суть ясна. Если дело продвигается вперед даже тогда, когда участвующие в нем люди преследуют совсем разные цели, орудуют никак не увязанными способами, противореча и мешая друг другу, – значит, началась полоса прогресса”

Сейчас серьёзный учёный, размышляющий о законах мироздания, идёт по стопам Пригожина и Чижевского и привлекает иные представления, связанные с понятиями “синергетика”, “бифуркация”, эффекты слабых воздействий и тому подобное. И приходится признать, что хотя живой Природе известны грандиозные катаклизмы, подобные тому, что случилось с нашей страной в 90-ые годы, но они столь же плохо (неполно) изучены, как и законы Социума. Так что **закон Кожинова** долгое время будет наиболее ёмкой характеристикой процессов смутного времени.

А что касается формулировки, то полезно вспомнить, что статья опубликована в 1987 году, а выделенную мною фразу (закон Кожинова) я услышала в 1991-м. А время, как известно, шлифует формулировки.

Наша социология – особа весьма странная: не понятно, чем занимается и зачем существует. А закон Кожинова... Он не только наш. Он всеобщий! Как только в жизни обнажается оружие, все законы смолкают и ждут, в каком обличье появится это Третье.

И когда оно появилось в ельцинские времена, стало ясно, что тем, кто думает, место в нашей новой жизни не предусмотрено.

Известие о смерти Кожинова стало для меня полной неожиданностью. Гражданская панихида проходила в Институте мировой литературы, где он проработал всю жизнь. Я с трудом протиснулась между стоящими на лестнице и застряла в дверях зала. Но здесь мне помог Андрей Арбатский. Только последних выступающих слушала внимательно. У изголовья стоял большой и очень хороший портрет. И, словно прочитав мои мысли, кто-то за правым плечом произнёс: “Это фотография”.

Зато на отпевание в Храм Симеона Столпника я явилась одной из первых. Батюшка крестил младенца: жизнь шла своим чередом. Потом подошёл автобус, и началось отпевание. Закончив обряд, батюшка заговорил на понятном языке. Оказывается, он знал, что Вадим Кожинов живёт в его приходе и несколько раз хотел побеседовать с ним, но дела (хозяйственные!) помешали. Так что отпевание стало первой и последней их встречей. На отпевании я оказалась стоящей рядом с Валентином Распутиным и сказала ему, что в ЦДЛ через несколько дней будет вечер, посвященный памяти Кожинова. Он посмотрел на меня удивлённо. Вечер на девятый день оказался результатом совпадения. На этот день заранее планировался вечер ЛИТО, которым руководил Кожинов.

На поминках в квартире Кожинова я сидела у двери его кабинета, молча и внимательно слушая тех, кто знал Кожинова дольше меня и лучше меня. Кожинов жил в тот период нашей истории, когда каждого человека с мыслями в голове в лучшем случае опасались, а иногда откровенно боялись. А он не

боялся! Он относился к этим людям с особенным интересом. Именно Кожин-нов открыл для меня в детском писателе Михаиле Пришвине думающего че-ловека. Именно от Кожина впервые услышала имя Михаила Михайловича Бахтина. Бахтина на семинарах он вспоминал особенно часто. А на поминках прозвучал детальный рассказ о том, как Кожин обнаружил Бахтина на про-сторах Поволжья, как организовал его вступление в члены Союза писателей и последующий переезд в Москву. Я просто онемела от изумления и восхище-ния... Протянуть руку помощи другому думающему человеку... И дотянуться!

Как эксперту ЮНЕСКО мне приходится думать об этике в разных аспек-тах. И думы получаются колючими, как ежи. Ни с какой стороны их не ухва-тишь! И это случается не только тогда, когда речь идёт о глобальном измене-нии климата, но и тогда, когда смотришь на самую обычную жизнь, которая спокойно течёт около тебя или мимо тебя.

Если ты работаешь на заводе, то этика ясна и прозрачна, как кристалл на ладони. Твой успех – это успех всего завода! И категории добра и зла не скручены в жгут, а существуют достаточно независимо, и вполне естественно желание назвать кого-то хорошим человеком. А в творческой среде категория “хороший человек” словно бы теряет свою актуальность. На первое место вы-двигаются иные ценности. На поминках Кожина говорили о хорошем челове-ке... Но история с Бахтиным – это совсем особый случай... И весьма редки аналогии в мировой истории! А уж сколько он сделал для Николая Рубцова!

...Я пришла в ЦДЛ на вечер, посвящённый 10-летию смерти Вадима Ко-жина. В зале было полным-полно народа. Принесённый дополнительно стул было негде поставить. Из всего сказанного мне больше всего запомни-лось предложение установить в начале Арбата памятник Вадиму Кожину. По-моему, совсем неплохо, если в Москве появится памятник Мыслителю. И очень хочется, чтобы памятник оказался столь же неординарным, каким был и сам Вадим Кожин.